

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Л. А. ДАШКЕВИЧ

БУРСА И БУРСАКИ

К феномену «бурсачества», широко обсуждавшемуся в публицистике дореволюционной России, современная литература обращается редко. Роль и функции православной духовной школы в культурной жизни провинциальных городов пока не нашли достойного места в исторических исследованиях. Б. Н. Миронов признает, что до сих пор загадочным остается то, что бывшие «поповичи», воспитанники православной духовной школы, в дореволюционный период давали самый значительный приток в ряды радикальной интеллигенции¹. В чем была причина «утечки мозгов из церкви»? Отвечали ли православная духовная школа требованиям общества и образовательным стратегиям правительства? Какое место она занимала в жизни провинциального города? Настоящая статья — попытка ответить на эти вопросы, используя материалы уральского региона.

Истоки профессионального духовного образования на Урале уходят в XVIII век, когда были созданы первые школы славяно-греко-латинского типа при монастырях и домах епископов. Первое уральское богословское учебное заведение (семинария) возникло в 1758 г. в Вятке². Начиная с петровских времен, образование в церковных школах для православного духовенства было обязательным и потому принудительным. Власти понимали значение духовной школы в воспитании будущих пастырей. Несмотря на это, вплоть до конца XVIII в. духовенство неохотно отдавало своих детей в латинские семинарии. Главной причиной был схоластический, формальный характер образования, оторванность семинарий от потребностей

¹ В 1870 г., например, они составляли 22% народников, в то время как доля духовенства во всем населении страны не превышала 0,9%. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 107.

² Краткий очерк истории Вятской духовной семинарии // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сб. материалов к истории Вятского края. Вятка, 1881. Т. 2. С. 595.

приходской жизни и храма. Преподавание в духовных школах велось на латинском языке, воспитанники много сил и времени тратили на заучивание латинских вокабул и грамматики. Православная школа не имела общей системы и единого руководства, в материальном и учебном плане она зависела исключительно от воли местного епархиального архиерея.

Недостатки духовно-школьного образования уже в конце XVIII века вызвали мысль о необходимости реформы. В 1764 г. Екатерина II создала специальную комиссию «Об учреждении полезнейших духовных училищ в епархиях», в которую вошли архиепископы Гавриил (Петров), Иннокентий (Нечаев), иеромонах Платон (Левшин). Комиссия предложила расширить и упорядочить церковно-школьную систему, улучшить ее финансирование и административное управление. Уже тогда из уст церковных деятелей прозвучала мысль о введении трехступенчатой системы образования, обеспечить которую могли Московская духовная академия с университетским курсом и семинарии с расширенной программой изучаемых предметов (в Новгороде, Казани, Санкт-Петербурге и Ярославле). Финансировать семинарии было признано целесообразным за счет централизованных фондов Синода. Рекомендации комиссии, однако, в царствование Екатерины II не были реализованы³.

Начало государственных действий по переустройству духовно-учебных заведений положил именной указ Павла I Синоду от 18 декабря 1797 г. «Об учреждении Духовной Академии в Санкт-Петербурге и Казани». Санкт-Петербургская Александро-Невская академия, согласно указу, была признана образцовой для всех учебных заведений империи. Это решение поставило учебное заведение в особое положение. Усилия церковных деятелей и правительства сконцентрировались вокруг проблем преобразования академии. В ходе этой работы и были подготовлены основные принципы будущих реформ духовного образования. Окончательный проект преобразований разработал тверской епископ Гавриил (Петров). 11 января 1798 г. император утвердил его под названием «О порядке учения в духовных академиях и семинариях». Указ выдвинул требование единой системы обучения в академиях и семинариях. В структуре

³ Колова Ю. В. Православная школа Казанского духовного учебного округа в первой половине XIX века: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. С. 61-62.

духовно-учебных заведений выделили три уровня обучения: высший (академия), средний (семинария) и низший (училища). Для каждого из них определялся обязательный блок учебных предметов, степень и глубина изучения которых определялись статусом школы. Господство латинского языка в программе духовно-учебных заведений было поколеблено. В учебные планы семинарий стали включать географию, физику, историю, сельскую экономику, медицину и другие предметы, преподававшиеся на русском языке. В сфере управления проект впервые высказал идею разделения учебных заведений на округа. Предполагалось, что академии станут научными и учебными центрами духовно-учебных округов⁴. Императорскими указами были определены субсидии на высшие и средние духовно-учебные заведения, назначены постоянные оклады для преподавателей⁵.

Вторая половина XVIII в. стала началом духовного возрождения православной церкви. В русских монастырях произошел подъем духовной жизни, возросли интерес и любовь к чтению духовных книг. Церковные историки вполне справедливо называют эти изменения «монашеским возрождением»⁶. С этим мнением согласны и светские историки. По мнению Е. А. Вишленковой, большую роль в церковных изменениях сыграла возрождавшаяся в русском богословии мистическая традиция. Приверженцы исихастской трактовки православия видели возрождение церкви в «просвещении веры»⁷. Мировоззренческие перемены в среде духовной элиты привели к изменениям в отношении к просвещению. В семинариях смягчались нравы, новые ректоры и наставники высказывались за отмену телесных наказаний. Духовное движение конца XVIII в. увлекло не только лиц духовного звания, но и многих образованных мирян.

Самым ярким и значительным церковным деятелем второй половины XVIII в. был митрополит Платон (Левшин). С его именем связано не только развитие богословской мысли, но и плодотворная

⁴ Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870). Казань, 1891. Вып. 1. С. 2.

⁵ Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 316.

⁶ Иванов М. С., Беляев Л. А., Бусева-Давыдова И. Л., Лозовая И. Е., Турлюков А. А. Церковная наука в России XVII–XX вв. // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М., 2000. С. 430.

⁷ Вишленкова Е. А. Указ. соч. С. 314.

преобразовательная деятельность в Московской духовной академии. Митрополит стремился к тому, чтобы в русской православной школе создавались самобытные, отличные от киево-могилянских, богословские и духовные традиции. Будучи протектором академии, он искал и готовил для нее собственные научные кадры, поддерживал развитие православной богословской мысли, формирование русского самосознания. К концу XVIII в. митрополиту удалось достигнуть главного: академия не нуждалась больше в киевских преподавателях, влияние западного богословия в ней было ослаблено.

Очень важной была позиция, занятая Платоном в вопросе языка преподавания. Он не поддерживал защитников латыни, считая ее оплотом старой схоластической системы образования. Необходимым условием воспитания священства митрополит считал внедрение в преподавание живых языков. Ему принадлежал опыт составления первого богословского курса на русском языке («Православное учение или сокращенная христианская богословия», 1765 г.). По инициативе Платона в академическую программу было введено изучение светских наук и современных европейских языков. При этом он не отвергал преподавания латинского языка в духовных училищах, полагая, что это может привести к изоляции русской православной школы, снижению уровня духовного образования и знания. В духе исихастских мистических воззрений, Платон видел главное направление воспитания священников в просвещении ума и сердца.

Преобразовательные идеи церковных деятелей екатерининского и павловского времени получили государственное воплощение в начале XIX в. Вопрос о необходимости усовершенствований в православной духовной школе был поднят вскоре после начала широкомасштабной реформы светского образования. Уже в марте 1805 г. написанные епископом Евгением (Болховитиновым) «Предначертаия о преобразовании духовных училищ» были «уважены» императором и поступили на обсуждение в Священный Синод.

Евгений (Болховитинов) предложил изъять духовные школы из ведения епархиальных архиереев и подчинить их Академии. Подобно университетам в светской системе образования, Академия должна была стать научной богословской школой и, одновременно, административным центром учебного управления. Предложения епископа во многом соответствовали правительственному видению системы просвещения, однако, при всей своей значимости, не могли

быть претворены в жизнь. Проект касался лишь учебно-научной работы новой школы и обходил вопросы ее финансирования⁸. Для доработки и критических замечаний проект Евгения был передан моголевскому архиепископу Анастасию (Братановскому). Полностью, однако, и его работа удовлетворительных результатов не дала.

В начале 1806 г. к реформе духовного образования был привлечен М. М. Сперанский. Именно его предложения, как убедительно доказал Е. Ю. Кондаков, почти без изменений вошли в представленный императору «Доклад о усовершенствовании духовных училищ; о начертании правил для образования училищ и составлении капитала на содержание духовенства, с приложением штатов духовных академий, семинарий, уездных и приходских училищ»⁹. Доклад был представлен императору 26 июня 1808 г. После рассмотрения он был утвержден и вступил в силу закона.

Одним из наиболее важных изменений, внесенных в доклад по предложению М. М. Сперанского, было введение строго обозначенного образовательного ценза для занятия священнических должностей. Выпускники духовно-учебных заведений получали ученые звания в зависимости от степени обучения и показанных успехов. Все церкви епархий делились, согласно закону, на четыре класса по уровню доходов. На каждый причт церкви первого класса получали не менее 1 тыс. руб. в год, церкви второго класса — не менее 700 руб., третьего — 500 руб., четвертого — 300 руб. Система духовно-учебных заведений приобретала стройный и логичный характер. Высшее богословское образование отделялось от среднего и низшего. До реформы и подростки, и зрелые люди обучались в одних и тех же духовных школах, где курс обучения начинался с латинской грамматики, а заканчивался богословским классом. Впредь в академии полагалось принимать выпускников семинарий. Академический курс был рассчитан на четыре года и разделен на два двухгодичных отделения: общеобразовательное и богословское. В общеобразовательном отделении студенты изучали высшую математику,

⁸ Ю.Е. Кондаков, проанализировавший текст одного из списков проекта, считает, что весьма поверхностно были прописаны и учебно-административные функции Академии. Состав учреждения и его полномочия епископом не конкретизировались. *Кондаков Е. Ю.* Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003. С. 166.

⁹ Там же. С. 167-172.

физику, философскую грамматику, древние и новые языки, эстетику, всеобщую и церковную историю. В богословском — догматику, нравственное и полемическое богословие, герменевтику, гомилетику, каноническое и церковное право.

Выпускники академий делились по своим успехам на два разряда. Студенты первого, высшего, разряда получали степень магистра. Она давала право на замещение священнических мест в первоклассных церквях, профессорских должностей в семинариях, а также поступление в число академических бакалавров для дальнейшего обучения и замещения профессорских мест в самой академии. В дальнейшем магистры могли получить степень доктора богословия. Для этого они должны были представить академической конференции собственное духовное сочинение и получить ее одобрение. Разрешение на производство магистра в доктора богословия давала Комиссия духовных училищ. Студенты второго разряда после выпуска становились кандидатами богословия и имели право на занятие священнических мест в первоклассных и второклассных церквях. При этом за ними сохранялась возможность в дальнейшем повысить свой разряд и приобрести новые преимущества. Для этого необходимо было вновь выдержать академический экзамен. Все выпускники академии, помимо того, имели право перейти на гражданскую службу.

Средними духовными школами по плану становились семинарии — по одной на епархию. По уставу 1810 г. курс обучения в семинарии составлял 4 года. По окончании выпускникам давалось два года для усовершенствования в философии и богословии, а также в чтении священного писания и духовных сочинений. Желающих обучаться два дополнительных года, однако, было очень мало, поэтому последующий устав 1814 г. включил их в программу обязательного обучения¹⁰. Шестилетний семинарский курс, по уставу, делился на три двухгодичных отделения, которые по-старинному именовались риторическим, философским и богословским. Изучали в них словесность, гражданскую историю, географию, математику, физику, философию, древние и новые языки, а из богословских дисциплин — священное писание, церковную историю с археологией, герменевтику, богословие догматическое, нравственное и пастырское. Важнейшие дисциплины — догматическое и полемическое богословие, а также священная герменевтика (искусство толкования

¹⁰ Колова Ю. В. Указ. соч. С. 77.

древних текстов). Выпускники семинарий, по окончании курса, делились на три разряда. Воспитанники первого разряда получали права университетских студентов. Они могли быть направлены для дальнейшего обучения в духовную академию, либо помещались священниками во второклассные церкви. Помимо этого, студенты получали возможность работать учителями в уездных и приходских училищах, а также увольняться в Медико-хирургическую академию.

Воспитанники второго разряда распределялись священниками во второклассные и третьеклассные церкви, могли работать учителями приходских училищ, а также увольняться в Медико-хирургическую академию. Из третьего разряда ученики могли поступить лишь в третьеклассные церкви, занимая священнические или, при недостатке штатных мест, дьяконские должности. Как и выпускники академий, они могли в дальнейшем повысить разряд, выдержав экзамен в семинарии, а затем академии. Помимо этого, все выпускники академий получали право на гражданскую службу.

Подготовительной ступенью для семинарий были уездные духовные училища, создававшиеся в одном или нескольких уездах. Программа училищ была рассчитана на четыре года и разделялась на четыре класса, в которых изучали грамматику, арифметику, историю, географию, церковное нотное пение, пространственный катехизис, церковный устав и начала классических языков (греческого и латинского). Помимо этого, в уездных училищах предписано было изучать языки местных народов. Родителям позволялось обучать детей положенным предметам и дома, но при этом дети должны были ежегодно, во время великого поста, проходить экзамен в уездном училище. Если ученик не показывал соответствующих знаний, то его оставляли на обучение в училище. Выпускники уездных училищ получали свидетельства, которые давали им право поступить в семинарию. «Безуспешные» дети со свидетельствами могли рассчитывать лишь на определение в дьяконы, без свидетельств же — в пономари и другие низшие церковные должности.

Низшей ступенью духовно-учебных заведений были приходские училища. Устав 1810 г. определил в ведомство приходского училища всех детей священно- и церковнослужителей, начиная с шестилетнего возраста. В 1814 г., согласно новому Уставу, разрешено было начинать обучение детей не с шести, а с восьми лет, а для тех, кто получал начальное образование дома — с десяти лет. В при-

ходском училище их обучали началам грамматики, чтения и письма, первым четырем действиям арифметики, церковному нотному пению и сокращенному катехизису. Курс учения был рассчитан на два года и разделялся на два класса. «Безуспешным» детям разрешалось продлевать обучение еще на один год. Возможным было и домашнее образование с ежегодным представлением детей к экзамену. Свидетельства об окончании приходских училищ давали «успешным» выпускникам право поступить в высшие ступени обучения, «безуспешным» — на должности дьячков и пономарей. Отсутствие свидетельств лишало детей возможности находиться в духовном ведомстве. Ни в высшие училища, ни к церковным должностям, даже низшим, они не допускались¹¹. Эти правила существенно усилили в духовном сословии мотивацию получения образования.

Все нити управления духовным образованием сосредоточились в постоянно действующей Комиссии духовных училищ. Она существовала при Синоде, но, как административный институт, была от него независима, а подчинялась непосредственно императору. Именно комиссии, а не епископам подчинялись академии, семинарии и духовные училища. Тем самым было нарушено каноническое право епископа руководить просвещением, что вызвало активное противодействие у многих иерархов. Комитет, тем не менее, настоял на централизованном управлении духовной школой. Епископы получили лишь статус попечителей учебных округов. Духовные консистории потеряли право вмешиваться в училищные дела¹².

Административное руководство духовной школой было выстроено по образцу светской четырехступенчатой системы просвещения. По аналогии со светской школой вводилась окружная система организации духовного просвещения. Епархии объединялись в учебные округа во главе с духовными академиями — Санкт-Петербургской, Московской, Киевской и Казанской (Пермская, Вятская и Оренбургская семинарии были отнесены к ведению Казанско-

¹¹ Доклад Комитета о усовершенствовании духовных училищ и начертание правил о образовании сих училищ и содержании духовенства при церквях служащего, с приложением именных высочайших указов, по сему предмету последовавших // *Опись документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода с указателями к ней. Дела Комиссии духовных училищ 1808–1839 гг.* СПб., 1910. С. 22-40.

¹² Вишленкова Е. А. Указ соч. С. 324; Кондаков Е. Ю. Указ. соч. С. 174.

го духовного учебного округа). Контролирующие функции по отношению к духовно-учебным заведениям округа возлагались на академию. Для этого при каждой академии создавалось внешнее правление, в которое входили ректор и два члена академической конференции, определяемые Комиссией духовных училищ. Непосредственное руководство семинарией и контроль над работой уездных духовных училищ осуществляло семинарское правление, состоявшее из ректора семинарии, одного из профессоров и эконома. Уездные училища управлялись ректорами, которые, помимо того, имели надзор за подведомственными им приходскими училищами¹³.

Научно-методическое руководство духовно-учебными заведениями в учебных округах, согласно уставам, возлагалось на духовные академии. Для этого при них создавались специальные конференции. Академическая конференция представляла собой «общество ученых людей» (ректор и профессора академии, а также почетные члены из духовных и светских лиц) под председательством местного епископа. Главной целью собрания было «распространение и поощрение учености в духовенстве». Члены конференции проводили экзамены в академии и семинариях, осуществляли цензуру духовных книг, просматривали духовные сочинения выпускников академий и определяли их к высшим духовно-ученым степеням.

Главным принципом обучения считалось формирование у учащихся «самостоятельности в суждениях». Руководство учебных заведений поощряло чтение сверх учебных программ. Учащиеся писали сочинения, устраивали «учено-литературные вечера», ученые диспуты. «Лучший наставник не тот, кто блистательно говорит и сам изъясняет, — говорил автор реформы М. М. Сперанский, — но тот, кто заставляет учащихся размышлять и разъяснять. Посему все методы обучения должны быть основаны на собственных упражнениях юношества; учитель должен помогать развитию ума»¹⁴.

Суммы, выделявшиеся на содержание духовных школ, первоначально были примерно равны размерам финансирования светских школ. Гимназии в губерниях первого разряда имели, согласно школьному уставу 1804 г., годовое финансирование в 6650 руб. Семинария первого разряда получала, по уставу 1814 г., 17 тыс. руб.

¹³ Федоров В. А. Православная церковь и государство // Очерки русской культуры XIX века. М., 2000. Т. 2: Власть и культура. С. 369.

¹⁴ Там же. С. 372.

Почти 60% этих средств (10 тыс. руб.) уходило на казенное содержание бурсаков, непосредственно на школьные нужды оставалось 7 тыс. руб. Штаты 1820 г. увеличили содержание семинарий до 31060 руб., но и из них большая часть пошла на содержание бурсаков, непосредственно на школьные нужды оставалось 11060 руб.

Школьные преобразования Николая I поставили светскую школу в гораздо более выгодные условия. Штатное содержание гимназий, согласно уставу 1828 г., было увеличено в губерниях первого разряда до 26300 руб. ассигнациями. Семинарские суммы, согласно штатам 1836 г., несколько подтянулись к гимназическим, но так и не достигли их. В епархиях первого разряда семинарии стали получать 15150 руб. (в 1,7 раз меньше, чем в гимназиях). Численность семинарских учеников, как правило, превышала число гимназистов.

Преобразования духовной школы испытывали не только финансовые, но и кадровые трудности. Согласно проекту реформирования духовно-учебных заведений, профессора епархиальных семинарий обязаны были иметь аттестаты окружных академий, учителя уездных и приходских училищ — аттестаты правления семинарии¹⁵. Кадров с подобным богословским образованием не хватало, поэтому решено было проводить реформу по этапам: в 1809 г. — в Санкт-Петербургском духовном округе, в 1814 г. — в Московском, в 1816 г. — в Киевском, в 1818 г. — в Казанском. Из-за недостатка образованных кадров в 1818 г. Казанская академия была временно преобразована в семинарию, а руководство подведомственными ей учебными заведениями было переведено в ведение Московского академического правления. Предполагалось, что академический статус Казанской семинарии будет достаточно быстро восстановлен, однако, в силу ряда причин, главными из которых были резкие изменения в правительственном курсе, ее открытие в новом статусе существенно задержалось. Казанский духовный учебный округ начал свою полноценную деятельность только в 1842 г.

Система духовного образования подверглась в это время существенным изменениям, которые проводились в контексте образовательных реформ Николая I. Все дела духовного ведомства император решил взять под личный контроль. 1 марта 1839 г. был издан Устав Духовно-учебного управления Святейшего Синода, который упразднил Комиссию духовных училищ. Духовно-учебное управле-

¹⁵ Доклад Комитета о усовершенствовании духовных училищ... С. 22-27.

ние было поставлено под строгий надзор обер-прокурора Святейшего Синода. В 1836 г. эту должность занял полковник Н. А. Протасов, считавший главной своей целью «опрошение» духовного образования и приспособление его к практическим нуждам будущих сельских пастырей. Вятский архимандрит Никодим (Казанцев), вызванный в Петербург для составления новых уставов, так передавал наставления обер-прокурора: «Из семинарий поступают в священники по селам. Им надобно знать сельский быт и уметь быть полезным крестьянину даже в его делах житейских. Итак, на что такая огромная богословия сельскому священнику? К чему нужна ему философия, наука вольнодумия, вздоров, эгоизма, фанфаронства?... Пусть лучше затвердит хорошенько катехизис, церковный устав, нотное пение и довольно. Высокие науки пусть остаются в академиях»¹⁶. Полностью осуществить свои планы Н. А. Протасову, однако, не удалось из-за решительного протеста московского митрополита Филарета (Дроздова), имевшего влияние на императора. Тем не менее, правила, введенные в 1840 г., резко сократили в семинариях число общеобразовательных дисциплин. Вместо них вводились те предметы, которые, с точки зрения правительства, были важны для будущих сельских пастырей: основы медицины, сельское хозяйство, в отдельных семинариях – иконописание и инородческие языки.

В Пермской епархии в 1842 г., к началу протасовских реформ, действовали одна семинария, четыре уездных духовных училища (Далматовское, Пермское, Екатеринбургское, Соликамское) и шесть приходских духовных училища (Пермское, Екатеринбургское, Далматовское, Соликамское, Верхотурское, Чердынское); в Вятской епархии — одна семинария, четыре уездных духовных училища (Вятское, Яранское, Нолинское, Сарапульское) и четыре приходских духовных училища (Вятское, Яранское, Нолинское, Сарапульское); в Оренбургской епархии — одна семинария, три уездных духовных училища (Уфимское, Бугульминское, Челябинское) и три приходских духовных училища (Уфимское, Бугульминское, Челябинское)¹⁸. Обучалось в них в это время 3607 чел.

Уставы духовно-учебных заведений предполагали, что бедные ученики из духовного сословия будут зачислены в училищное ведомство на казенный счет и обеспечены одеждой, обувью, питанием

¹⁶ Колова Ю. В. Указ. соч. С. 97.

¹⁸ Там же. С. 127-128.

и помещением. По штату 1814 г. на казеннокоштных бурсаков в семинарии выделялось по 100 руб. в год, в 1820 г. — по 200 руб. В каждой семинарии полагалось содержать до 100 казеннокоштных учеников. На деле, однако, число семинаристов, требовавших материальной поддержки, было существенно больше (см. Табл. 1). Бедность была одной из причин низкой успеваемости семинаристов.

Немаловажной причиной слабых успехов учеников семинаристы считали и излишнюю сложность и перегруженность программы обучения. «Кто видел аттестат кончившего курс семинарии того времени, — вспоминал бывший пермский семинарист Аркадий Бирюков, — тот, вероятно, немало удивился, как может одна голова вместить в себе столько разнообразных сведений»¹⁹.

Таблица 1

ЧИСЛЕННОСТЬ УЧАЩИХСЯ В ДУХОВНО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ
ПЕРМСКОЙ, ВЯТСКОЙ И ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИЙ В 1842 Г.*

Губерния	Наименование училищ	Численность учеников		
		На казенном содержании (бурсаки)	На собственном содержании	Всего
Пермская	Семинария	153	244	397
	Уездные духовные училища	144	416	560
	Приходские духовные училища	29	330	359
Итого по епархии:		326 (24,8%)	990 (75,2%)	1316 (100%)
Вятская	Семинария	175	211	386
	Уездные духовные училища	158	455	613
	Приходские духовные училища	39	432	471
Итого по епархии:		372 (25,3%)	1098 (74,7%)	1470 (100%)
Оренбургская	Семинария	113	135	248
	Уездные духовные училища	99	209	308
	Приходские духовные училища	66	199	265
Итого по епархии:		278 (33,9%)	543 (66,1%)	821 (100%)
ВСЕГО:		976 (27%)	2631 (73%)	3607 (100%)

¹⁹ Рабинович Я. Б. Ревнители прав народных. Очерки по истории революционно-демократического движения на Урале в 60-х – начале 80-х годов XIX века. Пермь, 1989. С. 63.

* Источник: Колова Ю. В. Указ. соч. Приложения 4.1, 4.2, 4.3.

В Пермской семинарии, открытой в 1800 г., преподавался широкий круг богословских и общеобразовательных дисциплин: священное писание, церковная история с археологией, герменевтика, богословие догматическое, нравственное и пастырское, словесность, гражданская история, география, математика, физика, философия, древние и новые языки. Часть учеников, в соответствии с прагматическими взглядами правительства на функции будущих священнослужителей, с 1826 г. практиковалась в оспопрививании²⁰. Богословские, философские и словесные науки вплоть до протасовских преобразований 1840 г. преподавались на латинском языке, прочие — на русском. В 1840 г. ученики стали, помимо обычных для семинарий предметов, изучать медицину (теоретическую и практическую), сельское хозяйство (растениеводство, скотоводство, домоводство), естественные науки (ботанику, зоологию, минералогию).

Попытка приблизить обучение семинаристов к реальным потребностям будущей сельской жизни не встретила сочувствия у учащихся. К специальным предметам большинство из них относилось настолько равнодушно, что в 1848 г. ректор Пермской семинарии прямо заявил ревизору, что все эти предметы бесполезны. Более успешным оказалось введение в семинарию класса рисования и иконописания. В 1854 г. в нем пожелали обучаться 65 семинаристов и 24 ученика уездного духовного училища²¹. В 1856 г. в Пермской семинарии появился специальный класс миссионерских предметов для подготовки священников к службе в старообрядческих районах. Ученикам преподавались история раскола, сведения о старообрядческих книгах и рукописях, апологетика православной церкви, пастырская педагогика. Для работы с «иноверным» населением будущим священникам еще с 1828 г. преподавался татарский язык.

Курс обучения в Оренбургской семинарии, которая начала работу в Уфе в 1800 г., совпадал с единой программой, утвержденной в Уставе духовно-учебных заведений 1814 г. В 1840 г. здесь, как и в других средне-учебных духовных школах, преподавали, помимо богословских и общеобразовательных предметов, специальные дисци-

²⁰ Лаговский И. Открытие Пермской семинарии и история ее до преобразования, бывшего в 1818 году. Пермь, 1877. С. 31.

²¹ Мангилева А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX в. (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998. С. 56.

плины: медицину, естественные науки, сельское хозяйство. Особенностью Оренбургской семинарии было преподавание чувашского и тюркского языков, необходимых, по мнению правительства, будущим священникам для ведения миссионерской деятельности среди местных народов. В 1855 г. в Оренбургской семинарии появилось миссионерское отделение. Как и в Пермской семинарии, ученикам здесь давали сведения об истории раскола, особенностях верований местных старообрядческих толков, старообрядческих книгах и рукописях. Будущих миссионеров-священников особенно старательно обучали пастырской педагогике (искусству вести миссионерскую проповедь против раскола) и апологетике православной церкви²².

Рост образовательного уровня местного священства был, несомненно, положительным итогом реформ духовно-учебных заведений. Анализ клировых ведомостей духовенства Верхотурского, Екатеринбургского, Ирбитского и Шадринского уездов, приведенный А. В. Мангиловой, свидетельствует, что к середине XIX в. большинство священников имело законченное семинарское образование. Высшее богословское отделение семинарии закончили: в Верхотурском уезде в 1850 г. — 94,7% священников, в Екатеринбургском уезде в 1850 г. — 78,2%, в Ирбитском уезде в 1850 г. — 62,5%, в Шадринском уезде в 1848 г. — 48,7% священников. В начале века этот показатель составлял: в Верхотурском уезде в 1806 г. — 0%, в Екатеринбургском уезде в 1806 г. — 6,7%, в Ирбитском уезде в 1805 г. — 7,9%, в Шадринском уезде в 1806 г. — 4,3%²³.

Далеко не столь успешно была решена задача воспитания «благочестивых пастырей», лояльных к власти и способных активно участвовать в просвещении народа. Воспоминания воспитанников духовных училищ сохранили многочисленные сведения о бездушном и жестокой атмосфере, царившей в системе образования и воспитания будущего духовенства. Особенно тяжелым было положение учеников уездных и приходских училищ. Мрачные картины быта вятской бursы 1850-х гг. описывает в своих воспоминаниях бывший воспитанник местного уездного училища и семинарии С. И. Сычугов, служивший впоследствии по земско-врачебному ведомству. В Вят-

²² *Мирсаитова С. Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. В 2 ч. Екатеринбург, 2000. Ч. 2. С. 38.

²³ *Мангилова А. В.* Указ. соч. С. 220-230.

ское уездное духовное училище он попал в 1850 г. 9-летним мальчиком. Уже через час после того, как родители покинули учебное заведение, воспитанники училища устроили для новичка первое испытание, положенное по требованиям «бурсацкого кодекса». На него «накинули какую-то грязную хламиду, и пошла работа и ладонями, и кулаками». Подобные случаи в училище были обычным явлением. Противостоять жестокости «озверелых драчунов» могли немногие. Некоторые дети почти ежедневно страдали «от товарищеской тирании». Иногда дело даже доходило до того, что отцы переводили своих детей в другие училища.

В сложных условиях оказывались выходцы из семей священников. «Ни в каком сословном заведении не придется найти такого различия между воспитанниками, какое существовало в нашем односословном училище», — пишет С. И. Сычугов²⁴. «Дьячковские дети», составлявшие большинство, постоянно пытались «насолить» детям священников, а если была сила, то и побить их. К дракам и другим грубым и циничным забавам, приносившим моральные и физические страдания окружающим, приводила «мертвящая скука» внеклассного времени и отсутствие мало-мальски разумных развлечений. В православной школе существовал запрет на светское пение и музыку, на посещение театров и чтение беллетристики.

Любопытно, что, несмотря на внутренние противоречия, все воспитанники училища чувствовали свою принадлежность к единому сословию. Сословную ментальность и честь они защищали своеобразным способом. Ежегодно зимою в Вятке разыгрывались бои между мещанскими детьми и гимназистами младших классов, с одной стороны, и бурсаками уездного духовного училища — с другой. Это были, как пишет Сычугов, «настоящие сражения с главнокомандующими, командирами отрядов, застрельщиками, прикрытиями, резервами и пр.». Обе стороны в бой выставляли более 500 чел. Городские драки официально не разрешались, но ни губернское, ни духовное начальство не принимали никаких мер к тому, чтобы их предотвратить. Со стороны светских властей в сторону сражающихся не посылались даже будочника для порядка. Вятский же архиерей сам из укромного местечка следил за сражением. Свои бои со свет-

²⁴ Сычугов С. И. Записки бурсака. М., 1933. С. 141.

скими сословиями устраивали и семинаристы. Их противниками были гимназисты старших классов в союзе с мещанами²⁵.

Суровые нравы господствовали не только в быту, но и на школьной скамье. Уроки в уездном училище начинались в восемь часов утра и длились без перерыва до полудня. Затем следовал часовой перерыв на обед и, с часу до трех-четырёх часов пополудни, послеобеденные уроки. При большой наполняемости классов учителя передавали часть своих функций так называемым «авдиторам» из учеников. Обязанность авдиторов состояла в том, чтобы выслушивать по утрам домашние задания у пяти учеников. Авдитор же и ставил им оценки в специальной тетради, называвшейся «нотата». «Нотаты» необходимо было заполнять до 8 часов утра и сдавать первому ученику, называвшемуся цензором. В 8 часов являлся учитель, который получал от цензора все «нотаты».

После этого ученики, получившие неудовлетворительные оценки, отправлялись к порогу, где их ждали «палачи» с розгами или ложами. Наказание следовало не только неуспевающим ученикам, но и авдиторам, если их оценки не соответствовали действительности. Знания у некоторых учеников проверял сам учитель. Палачами для провинившихся назначались их товарищи по классу, обычно слабо успевающие ученики с «камчатки». Помимо палачей в наказании участвовали также держатели рук, ног, головы. Если же нужно было, по приказанию начальства, забить воспитанника до полусмерти, то приглашались и взрослые люди – служители. Объяснения уроков в вятском уездном училище не предусматривались. Четыре часа, назначенные для утреннего класса, распределялись следующим образом: начинался он ежедневной «вакханалией» с наказаниями, которая длилась в течение полутора-двух часов, затем начиналась проверка знаний у тех, кто не подвергся порке, и лишь после этого, примерно за 5 минут до окончания урока учитель давал задание на следующий день, проведя в учебнике ногтем и приговаривая «от сих до сих». Неудивительно, что подобная «училищная наука», или точнее, всякое отсутствие ее, вызывали у детей отвращение к учебе. «Приняться за зубрение урока было для меня самым тяжелым подвигом, — пишет Сычугов, — на учебники и смотреть было тошно»²⁶.

²⁵ Там же. С. 143.

²⁶ Там же. С. 70.

Суровым наказаниям в духовном училище подвергались не только слабо успевающие ученики, но и нарушители порядка. Бедствием православной школы первой половины XIX в. были хулиганство, пьянство, курение, воровство, «мужеложество», дерзость, сквернословие, драки, азартные игры²⁷. Нередко дети, которые не выдерживали тяжести бурсацкого режима, бежали из училища. На Вятке таких беглецов называли «скитальцами». Для «скитальцев» в училище существовали особые, крайне жестокие наказания. На шею ученика, после поимки, надевали толстый, круглый обрубок дерева, так называемую «тюльку», к середине которой приделывали цепь с железным ошейником. Вечером ошейник запирали замком и не снимали всю ночь во время сна.

В Вятской семинарии, по воспоминаниям Сычугова, режим был немного мягче. Обитали неимущие (казеннокоштные) семинаристы, как и в уездном училище, в казенном общежитии (бурсе), испытывая все присущие этому закрытому заведению пороки. Здесь, как и в низших духовных учебных заведениях, процветали пьянство и разврат. Развлечения семинаристов, впрочем, не были столь грубыми и циничными, как в уездном училище. Администрация семинарии стремилась украсить быт учеников. В 1850-е гг. в каждом классе был организован оркестр из шести человек. Инструменты и ноты приобретались на пожертвованные деньги, либо на заработки самих оркестрантов. За небольшую плату они играли на свадьбах, балах, а иногда и в клубе. Были в семинарии и недурные хоры певчих.

Поднимали бурсаков в 6 часов утра. В 7 часов были молитва и завтрак, до 9 часов — подготовка к урокам, с 9 до 12 часов — уроки, с 12 до двух пополудни — обед, после обеда — отдых или прогулка, с 6 до 8 часов вечера — «домашние упражнения», в 9 часов — ужин и в 10 часов — отход ко сну. Розги в семинарии не полагались. Наказанием для учеников младшего, риторского отделения служили «ставление на колени», отвешивание поклонов и лишение обеда. Для старших учеников (философов и богословов) самым страшным наказанием было исключение из семинарии. Доставалась им, впрочем, как вспоминают семинаристы, и отборная брань со стороны инспектора или профессоров.

²⁷ Колова Ю. В. Указ. соч. С. 171.

Инспектор, с помощью «благонамеренных» семинаристов из старших классов, следил за нравственным поведением учащихся. Свободное время они должны были проводить за чтением книг, преимущественно духовных, которые были разрешены администрацией, строго за этим следившей. Полностью перекрыть каналы проникновения светской книги в семинарию, однако, начальство не могло. Любознательные ученики умудрялись «контрабандой» доставать и запрещенное чтение. С. И. Сычугов вспоминает, что он более года читал тайком книги, которые доставлял ему из города сын протопopa. Попавшись случайно на чтении «Отечественных записок», он вынужден был дать клятвенную расписку, в которой обязался более светских книг не читать. Под строгим надзором начальства находились и ученики, жившие на квартирах. Из них выделялся старший, который нес ответственность за своих товарищей. Частенько благонравие учеников проверял и семинарский инспектор.

Одаренных учащихся, «аристократов» ума и таланта, судя по воспоминаниям Сычугова, в семинарии было немного (1-2 чел. на класс, т. е. приблизительно 10-12 чел. на 500 учащихся). Преобладала в учебном заведении «золотая середина», посредственные ученики, которые исправно зубрили и старались выйти в первый разряд выпускников, что давало им право на получение лучшего поповского места. Учителями в семинарии служили выпускники духовных академий, имевшие действительно высокий уровень знаний. К преподаванию, однако, как вспоминают семинаристы, большинство из них относилось без увлечения, без любви к делу. Толковых объяснений уроков было немного. Как и встарь, суть преподавания состояла в постановке в учебниках скобок и спрашивании заданных уроков.

Бывший бурсак С. И. Сычугов с горечью писал о последствиях подобного образования, порождавшего в молодых людях цинизм и лицемерие. Дисгармония между словами и делами, по его мнению, проявлялась впоследствии у большинства попов: «Досадно даже становится, когда священник за обеднею с чувством, хотя и напускным, красноречиво проповедует о высоком значении милосердия, а после обедни безжалостно отнимает у своего духовного сына последний грош, когда после поучения своих прихожан всегда говорить правду через час-два после этого их же обманывает и т. д.

и т. д.»²⁸. Общество отвечало духовенству соответствующим отношением. «Духовенство, особенно белое, потеряло уважение и любовь чуть не во всех сословиях, — констатировал в начале 1860-х гг. известный духовный автор Д. И. Ростиславов. — Отдельных из него лиц любят и уважают, но целое сословие находится в презрении»²⁹.

Смелые, мыслящие семинаристы стремились изменить сложившийся порядок. Новые веяния конца 1850-х – начала 1860-х гг. нашли в их среде самых решительных сторонников. «Бурса-семинарщина в буквальном смысле пьянела от свежего воздуха, которым вздохнула после бурсацкой атмосферы», — писал позднее бывший пермский семинарист В. Кокосов³⁰. Большое влияние на семинаристов оказывали молодые профессора, выпускники духовных академий, успевшие испытать влияние демократического подъема. Ученики Вятской семинарии с восторгом вспоминали уроки А. А. Красовского, в Перми с успехом проходили занятия А. П. Орлова, А. И. Иконникова, А. Г. Воскресенского, А. Н. Моригеровского, А. В. Стефановского. «Влияние этих личностей на семинаристов было неотразимым, — писал А. Бирюков. — Их живая речь возбуждала в нас любопытство, интерес к знанию, а кроткое обращение с нами внушало к ним доверие. Бывало, старые доктринеры нам навязывали свои знания, а эти предлагали, пускались даже с нами в рассуждения и прения. Нас и удивляло, и радовало, что нас как будто принимают за равных себе разумных существ, тогда как от педагогов старого покроя трудно было дожидаться других кличек, как по фамилии или “Эй, ты!”, “ослятина”, “телятина” и т. д. А эти стали обращаться с нами на вы, отчего сначала мы даже конфузились»³¹.

Либеральные и революционно-демократические настроения достаточно широко распространились в уральской духовной школе конца 1850-х гг. Не обладавшая политическим и житейским опытом молодежь воспринимала новые социальные идеи, включая атеизм, без сомнений и лишних дискуссий, с чужих слов. С. И. Сычугов с удивлением описывал события тех лет: «Семинаристы, не прочитавшие, кроме учебников да профессорских записок, ни одной кни-

²⁸ Сычугов С. И. Указ. соч. С. 215.

²⁹ Цит. по: Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 105.

³⁰ Цит. по: Рабинович Я. Б. Указ. соч. С. 67.

³¹ Там же. С. 67.

ги, вдруг стали либеральничать, не понимая совсем или понимая превратно самое слово “либерализм”. Замечательно, что у очень многих либерализм начался с самого нелепого, ни на чем решительно не основанного атеизма. Десятки семинаристов разглагольствовали вроде того, что Христос был только умный человек, что нет ни бога, на загробной жизни, что таинства выдуманы попами с целью наживы, и прочие глупости»³².

Всплеск недовольства существующим порядком и укладом семинарской жизни вновь привлек внимание общества и правительства к положению духовной школы. От архиереев, ректоров академий и семинарий Синод затребовал предложения, согласно которым был разработан новый Устав о духовных училищах. Он получил силу 14 мая 1867 г. Духовная школа преобразовывалась, согласно Уставу, в русле демократических изменений школьной системы. В духовные учебные заведения отныне было разрешено принимать детей всех сословий, в том числе и податных. Существенно расширилось преподавание общеобразовательных дисциплин. Программа семинарий была приближена к гимназической, что облегчило их выпускникам возможность поступления в университеты. Устав запретил применять к семинаристам практиковавшиеся ранее телесные наказания.

К концу XIX в. духовная школа заняла солидное место в общей системе образования Российской империи. Средняя и особенно высшая духовная школа давали воспитанникам хорошие богословские знания и профессиональные навыки. Выпускниками духовных школ были известные государственные деятели, писатели и ученые-богословы: В. О. Ключевский, Д. Н. Мамин-Сибиряк и др. Грамотные и гуманные священники возглавляли многие городские приходы, культурная роль которых еще ждет своего детального изучения.

³² Сычугов С. И. Указ. соч. С. 215.